

Исихастское основание

Церковное и духовное родство обеспечивает плодородное художественное творчество и молитвенную силу — разумеется, только в той мере, в коей они являются человеческой и божественной деятельностью, то есть, если они предполагают сотрудничество между Богом и человеком. Если же этот обмен жизненной энергией прерывается, больше не может быть ни молитвы, ни творчества. Остается лишь смиренно принимать отсутствие свободы выбора того, кто породил нас в Духе, доверяя Промыслу, — что и произошло для митрополита Антония, когда он встретил отца Афанасия, как рассказывалось выше.

Плодом такого течения жизни является молитва, которая не развивается вне исихазма, так как исихазм — совершенство духовной жизни. Это исихия, которую Исаак Сирий тоже называет «соборной» или «католической», потому что она содержит всего Христа и соединяет того, кто молится со всеми людьми. «Икона, например икона Святой Троицы, написанная святым Андреем Рублевым, то есть сама икона исихии, это свидетельство обожения человека, полноты духовной жизни, общение через образ с тем, что может представлять из себя молящийся человек, освященный благодатью. Это в каком-то смысле живопись с натуры, но с натуры обновленной при помощи символов. Она есть путь и средство; она есть сама молитва. Отсюда величие иконы, ее простота, ее покой в движении, ритм ее линий и красок, которые вытекают из совершенной внутренней гармонии(88)».

Отец Афанасий (Нечаев), который в течение двенадцати лет, духовно окормлял общину монахов и прихожан Трехсвятительского подворья именно и являлся такой иконой. Регулярно организовывались там монашеские собрания, и все монахи и послушники присутствовали на них для того, чтобы углубить свои знания. Будущий митрополит Антоний однажды там делал сообщение о святом Ниле Сорском. Отец Афанасий никогда не бывал на этих собраниях. Митрополит Антоний как-то спросил его, почему. Он ответил: «Невозможно говорить о монашестве, им нужно жить». В 1943 году, уже больной, он написал записку митрополиту: «Я только что пережил опыт созерцательного молчания. Теперь я могу умереть». И через три дня он умер(89).

Он был духовным отцом не только митрополита Антония, но также архимандрита Сергия (Шевича), который тоже стал монахом, после его смерти в 1943 году, и был духовником отца Григория Круга. Все они были людьми молчания и молитвы, они были исихастами. В экзархате всегда поддерживали монашескую основу церковной жизни, укорененную в духовной традиции Валаамского монастыря. Действительно, через несколько лет, последовавших за смертью отца Сергия, в 1987 году было основано три монастыря, которые в свою очередь стали придерживаться традиции исихазма и непрерывной молитвы. Но, с другой стороны, либо на том же месте, либо, гораздо позже, в доме Николая Бердяева [в Кламаре, под Парижем] небольшая монастырская община всегда была в тесном родстве с церковью Трех Святителей.

Отец Андрей (Сергеенко) в 1934 году приобрел землю в долине Шеврёрз [недалеко от Парижа], где он построил церковь и домик, все это он завещал отцу Сергию (Шевичу), когда решил вернуться в Россию в 1945 году, и там с 1948 года проживал отец Григорий (Круг), после принятия пострига.

В 1935 году, из-за крайней бедности общины, которая даже не могла прокормить священников, было решено основать два других прихода, чтобы попытаться привлечь как можно большее число прихожан и улучшить общую ситуацию. Так, отец Александр (Светозаров) основал приход Святой Троицы(90) в Ванве, под Парижем, в тупике Александра. Там отец Григорий уже писал иконы, такие, как например большая икона Троицы; позже приход был перемещен на улицу Микеланджело.

В 1936 г. отец Михаил Бельский основал приход Божьей Матери всех скорбящих радости и Святой Женеви́евы, на улице Монтань-сен-Женеви́ев, в пятом округе Парижа. Из прихожан Трехсвятительского храма самые верные были распределены между двумя новыми приходами. Будущий отец Сергей был направлен в приход Ванва, а будущий митрополит Антоний (тогда врач Андрей Блюм) отправился к отцу Михаилу Бельскому в приход на Монтань-сен-Женеви́ев. Этот приход, « самый бедный в Париже(91)», имел среди своих прихожан художника Миллиоти, композитора церковной музыки Максима Ковалевского, Лосских и, гораздо позднее, Зиминых.

Приход был задуман его основателями как храм Братства и должен был продолжать миссионерскую деятельность Братства. Там служили по двум обрядам, по восточному на церковнославянском языке, и по западному на французском. Но для этого были нужны два священника, а французов было мало. Постепенно остался только восточный обряд. С 1953 г. стали служить только на французском языке. «Отец Михаил Бельский, — пишет Е. Ковалевский, — в чьем приходе появилось несколько французов (после ухода отца Льва Жилле в 1983 г.), в известной мере продолжал развитие дела французского Православия, но подавляющее большинство его прихожан были русские(92)». Именно здесь митрополит Антоний был тайно (потому что он тогда был хирургом французской армии) пострижен в монашество отцом Афанасием (Нечаевым), в присутствии отца Сергия.

88) Л.Успенский. Икона, видение духовного мира.

89) Беседа с митрополитом Антонием в мае 2000 г.

90) Устав культовой ассоциации датирован маем 1937 г., но более ранние документы о создании прихода относятся к 1933 г.

91) О жизни этого прихода см. статью Галины Махровой «Воспоминания», в журнале МЯРА, № 4, 1995, Спб, с. 142-147.

92) Ван Буннен, ук. соч., «Краткая история...», с соответствующими датами.